

ЧИТАЕМ КНИГУ • СМОТРИМ ФИЛЬМ

Дэн Смит

Большая игра

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9382237

Большая игра : роман / Дэн Смит ; пер. с англ. М. Шаниной-Гузиной: АСТ; Москва; 2015

ISBN 978-5-17-089030-9

Аннотация

Чтобы доказать свою храбрость и находчивость, тринадцатилетний Оскар должен провести сутки в лесу и вернуться оттуда с добычей. Никто и подумать не мог, что, отправляясь на традиционное испытание, мальчик обнаружит в чаще леса президента США, самолет которого только что потерпел крушение.

Содержание

Первая охота	5
Долина черепов	7
Испытание	11
Первая кровь	17
Хазар	21
Трудное решение	25
Огненная буря	27
Шрам	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Дэн Смит

Большая игра

Dan Smith Big game

© М. Шанина-Гущина, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Всем, кто считает, что он недостаточно хорош

Лес беспристрастен.

Он каждому посылает испытание по силам.

Надо прислушаться к нему и сделать все, чтобы поймать добычу.

Мы охотимся здесь сотни лет, это наша земля. Но ничто не дается нам просто так.

Первая охота

Притаившись в тени раскидистых берез, я запрокинул голову и втянул ноздрями воздух. В тяжелом запахе влажной земли и мха смутно ощущалось что-то еще, что-то теплое и дикое.

Затаив дыхание, я силился услышать движение зверя.

Вон он. Впереди. Прячется в гуще леса.

Не отрывая глаз от деревьев, за которыми скрывался зверь, я нагнулся и подобрал горсть грязных прошлогодних листьев. Подбросил их в воздух и сразу понял, что, кто бы ни скрывался там, в лесу, ему меня не учуять: листья полетели в мою сторону – я стоял против ветра.

С удвоенной силой я сжал лук в левой руке и запустил правую в колчан, чтобы достать стрелу с гладким, острым наконечником.

Я вложил стрелу в тетиву и бесшумно шагнул в сторону леса. Выждал немного и осторожно сделал еще один шаг. Мой путь был усыпан сухими листьями и веточками, но я – настоящий охотник, лучший охотник в деревне, должен был незаметно подобраться к зверю.

Мягкой поступью я двигался по ковру из медной листвы. Казалось, время остановилось. Сердце стало биться тише, все мышцы расслабились, голова очистилась от мыслей.

И тут я разглядел силуэт в ветвях. Никогда раньше не встречал такого гиганта. Он стоял, гордо выпрямившись, и смотрел в мою сторону. Рога у него были такие огромные, что, даже разведя руки в стороны, я вряд ли смог бы измерить их.

Я выпрямился, глубоко вдохнул, поднял лук и натянул тетиву. Потом прищурился, прицелился и медленно выдохнул, опустошив легкие.

Пора!

Я спустил тетиву, и мое оружие из дерева, пера и металла звонко пронзило воздух. Словно точно наведенная ракета, стрела приблизилась к цели за долю секунды. Но, встретившись с покачнувшейся веткой, она отклонилась вправо. Закрутилась, лязгнула о ствол березы и упала на землю обычной палкой.

– Черт!

Не теряя ни секунды, я схватил еще одну стрелу, вложил в лук, натянул тетиву, спустил.

На этот раз стрела не задела ветвей, но на подлете к оленю потеряла скорость. Она ударилась о бедро животного и исчезла в кустах.

– Чтоб тебя!

Подобравшись еще ближе, я снова выстрелил. Но, попав оленю в грудь, стрела не смогла пронзить его сердце. Даже кожу не зацепила.

– Это конец, – прошептал я, опуская лук. – Испытание мне точно не пройти.

Реальность безжалостно обрушилась на меня. Не был я лучшим охотником нашей деревни, даже среди погодок не выделялся. Неважный из меня был стрелок. Целился плохо, лук у меня был меньше, чем у других ребят – мне просто не хватало силы натянуть тетиву у лука побольше.

Вздохнув, я поплелся к своей мишени, раздвинул ветки и встал рядом с оленем. Издалека он выглядел как настоящий, но вблизи снова превращался в кучу палок и мха, прикрытой старым одеялом кофейного цвета. В прошлом месяце мы с папой соорудили этого оленя в деревьях за домом, чтобы я готовился к испытанию.

Хорошенько выругавшись, я выстрелил в упор. Наконечник стрелы прорвал одеяло и вонзился в сердце чучела. Я покачал головой.

А может, все обойдется, если мне повезет подобраться близко к какому-нибудь животному, или получится...

За спиной слышались шаги.

Я повернулся и стал ждать, пока подойдет отец. Я узнал его по походке: папа был крупным мужчиной, но ходил всегда легко и быстро.

– Привет, Оскари, – сказал он, пригнув разделявшую нас ветку. – Решил пострелять перед отъездом?

Я убрал волосы с глаз и поежился, с ужасом представив, что мне предстоит. Завтра мне исполняется тринадцать лет. Но, прежде чем меня признают взрослым мужчиной, я должен пройти испытание.

– Ну что ж... – Папа остановился, будто не знал, что сказать. – Ты готов ехать? Нам нельзя опаздывать.

– Вроде готов. – Я не двинулся с места.

Отец посмотрел на меня, потом подошел, приподнял мою голову за подбородок и заглянул в глаза со словами:

– Ты справишься. Все будет хорошо.

Я кивнул и попытался улыбнуться. Мне казалось, что ничего хорошего со мной не случится.

Долина черепов

У меня от страха скрутило живот, когда я вышел из дома, оставив свой лук одиноко лежать в углу спальни.

Папа уже завел внедорожник и сидел, барабанил пальцами по рулю.

– Поторопись, нам пора! – крикнул он в открытое окно.

Я закрыл за собой дверь, подбежал к машине и взялся было за ручку передней двери, но отец покачал головой.

– На испытание ты должен ехать на заднем сиденье. Домой будешь возвращаться на переднем, как взрослый мужчина. Так уж повелось.

Не говоря ни слова, я забрался в машину. Я давно не сидел сзади и сразу почувствовал себя маленьким ребенком.

Папа отпустил сцепление, мы поехали. Поглаживая бороду, будто размышляя о чем-то серьезном, отец поднял глаза на мое отражение в зеркале заднего вида.

– Я понимаю, что ты не хочешь в этом участвовать, – начал он. – Но мы должны чтить традиции.

– Ну, я правда хочу...

Он открыл рот, чтобы ответить, но передумал и молча поднял стекло. Без вентиляции сзади мгновенно стало жарко. В спертom воздухе пахло старыми сапогами.

Мы въехали на разбитую деревенскую дорогу, вдоль которой стояли машины односельчан. Когда наш внедорожник приближался, они приветственно сигналили и вставали в колонну за нами. Я старался не думать о том, что это на меня все едут смотреть, меня испытывать.

– Изобрази-ка рев лося, – прервал тишину папа.

Набрав полную грудь воздуха, я сложил руки рупором и попытался издать звук, которому меня учил отец:

– Хууум! Хууум!

Он нахмурился.

– Сносно, хотя так скорее не лоси ревут, а старики храпят. Может, олениха лучше получится?

Как я ни старался, олениха у меня кричала словно котенок, которого решили утопить. Папа покачал головой и переключился на дорогу.

Мечтая оказаться подальше отсюда, я закрыл глаза и сказал:

– Прости.

– У тебя все получится, Оскари, – повторил отец уже раз в пятый. Казалось, он сам себя пытался убедить в том, что я его не опозорю. – Все, что тебе понадобится, я сложил в квадроцикл. Но если ты хорошо меня слушал, то справишься сам. Когда мне было тринадцать, мы на своих двоих на охоту ходили... Так, теперь скажи, какие два предмета – твои самые надежные помощники?

– Э... м-м-м...

– Ну же, Оскари, два предмета.

– Ножик.

– Да.

– И охотничьи спички.

– Точно. Дома не забыл?

– Нет. Все здесь. – Я показал на нож, висевший на поясе, и похлопал себя по карману куртки, где лежала металлическая коробка со спичками.

– Молодец. С таким набором ты выживешь в любых условиях. Всегда носи его при себе. Не клади нож и спички в рюкзак – потеряешь. Если окажешься на краю гибели, они тебя спасут.

– Я же всего одну ночь проведу в лесу, – храбрился я.

– Не важно. В лесной глуши ночи длинные. А спички и нож тебя согреют и накормят, даже если все пойдет наперекосяк. И не забывай, тебе еще лук дадут.

От одной мысли об этом луке все внутри меня леденело.

Вздыхнув, я отвернулся к окну. Грязное стекло отзывалось дребезжанием на каждом ухабе. Оставив нашу деревню далеко за лесом, мы пробирались к подножью горы Акка – самой высокой в округе.

Позади нас, на прицепе, то и дело подпрыгивал папин квадроцикл. Казалось, что он вот-вот оживет, разорвет ремни, сжимающие его облупившиеся зеленые бока, и умчит на свободу. С тех пор как я себя помнил, папа все время чинил этот вездеход, докупал к нему детали и вздыхал, что мы не можем позволить себе новый.

За нами ехали, выстроившись в ряд, ржавые пикапы и кроссоверы. Одни тащили старые расшатанные фургоны, другие были завалены охотничьим снаряжением, и брезент, защищающий его, громко хлопал от порывов ветра. Я посмотрел на эту процессию, и у меня подкатило к горлу: все мужчины, взбирающиеся на гору в этих машинах, хотели посмотреть, как я пройду испытание. Ждали, что такой хилый и неуклюжий мальчишка не выдержит его.

Мама всегда считала, что я из тех, кто «медленно запрягает». Когда я приходил из школы весь в синяках, она делала мне горячий шоколад и говорила, что со временем я стану крепче и сильнее, чем Ристо и Броки, а вот они умнее меня не вырастут. Папа улыбался и одобчительно кивал.

Он любил повторять: «Крепче, сильнее и умнее. Однажды ты станешь больше, чем просто охотник».

Правда, с тех пор, как мамы не стало, отец уже совсем не улыбался.

Слева от дороги виднелась гора Акка, которую окружали скалы и бесчисленные сосны. Густой весенний лес был полон мрака и живности. Меньше всего сейчас мне хотелось думать о его обитателях: медведях, способных одним ударом оторвать голову человеку; крокодавоподобных росомехах размером с крупную собаку, чьи острые зубы запросто переламывали кость. Мама мне раньше рассказывала и про других лесных жителей. Аятара, лесная дьяволица в облики дракона, могла убить одним взглядом. Оборотень Нэки, живущий в болотах и озерах, утаскивал людей на дно. Конечно, это страшилки для маленьких, но мне всегда нравилось, как мама садилась на краешек моей кровати и рассказывала легенду, а потом целовала в лоб и выключала свет. Она знала много сказок.

– Ты о маме думаешь? – спросил папа тихо. – Я всегда вижу, когда ты ее вспоминаешь. Я промолчал.

– Мне ее тоже не хватает, – добавил папа шепотом, будто не хотел в этом признаваться.

В другом окне я увидел пропасть без дна. Если бы отец сейчас крутанул руль вправо, то мы бы сорвались и долго-долго летели до земли.

– Я кое-что для тебя припас, – сказал папа и начал рыться в бардачке. Чего там только не было: мятые бумажки, патроны для винтовки, старый нож с костяной ручкой, обрывки бечевки и открытая пачка сигарет. Он вытащил сложенную в несколько раз бумагу и протянул мне ее со словами:

– Держи, это тебе.

– Что это? – спросил я, наклоняясь вперед и протягивая дрожащую руку.

Желтая от старости бумага пахла бензином. Она была плотной, но затертой на месте сгибов.

Папа вытащил сигарету, бросил пачку обратно и захлопнул бардачок. Потом закурил и приоткрыл окно на сантиметр. Весь дым полетел мне в лицо, и я отодвинулся в угол, где не сквозило.

– Ну же, открывай, – настаивал отец.

Немного поколебавшись, я не дыша развернул бумагу – это был старый рисунок.

– Это карта? – я узнал пару мест, нарисованных на ней: дорогу, по которой мы проезжали, и лес слева от нас. А повыше, у подножья Акки, конечная цель нашего пути – долина Черепов. В самом низу карты была нарисована наша деревня.

– Видишь, где красным крестом помечено? – спросил папа.

Я провел рукой по затертой, шероховатой бумаге.

– Нашел. Что это за место? – поинтересовался я, не отрывая пальца от красной метки. Похоже, кто-то нарисовал ее фломастером совсем недавно.

– Это наш с тобой секрет, – ответил папа. – Поляна, на которой ты встретишь оленя. – Отец отпустил руль и широко развел руки: – Вот такого самца с большими рогами.

– Он там водится, да? – Я смотрел на красный крест и уже чувствовал притягательность этого места. Помню, мама говорила, что моим трофеем станет олень, что мне его подарит лес.

– Да. Поезжай туда, дождись рассвета и найди тропу под ветром.

– Хорошо, – я оторвался от карты и посмотрел на папу. – Я умею приманивать оленей.

Он не успел скрыть свои эмоции. Я видел, как отец нахмурил брови и перевел взгляд на дорогу.

– На карте я отметил плато у вершины горы, – снова заговорил отец. – Отдохни перед тем, как забраться туда на рассвете. Найдешь оленя – пройдешь испытание.

Отдохну. В крошечной тьме. В лесу на горе. Целую ночь в одиночестве. Последние две недели я только об этом и думал. А по ночам просыпался с тянущим чувством ужаса в животе.

Я сглотнул слюну и попытался найти в себе мужество. Ради папы. Этот день был важным для нас обоих.

– Пап?

– Ну?

– Я хотел сказать тебе... про испытание... я сделаю все возможное.

– Конечно, я знаю.

Последний раз взглянув на карту, я скрутил ее и спрятал в карман. Папа следил за мной в зеркало заднего вида.

– Не уверен, что мне удастся его поймать.

– Тебя ждет хорошая добыча. – Папа вымученно улыбнулся. Мы оба понимали, что он был героем, живой легендой, и моя лучшая добыча с его трофеем ни за что не сравнится.

Дорога ушла в лес, и света за окном стало совсем мало. Мы пробирались через зелено-коричневые заросли сосен и высоких елей. Мне даже пришлось прислониться к грязному стеклу, чтобы разглядеть их верхушки. Свежий пряный запах, проникавший в машину через приоткрытое окно, напомнил мне о ранних вылазках в лес. Последний месяц отец будил меня ни свет ни заря, и мы отправлялись в лесок за нашим домом, чтобы я учился разжигать костер и делать укрытие. Папа показывал мне, как выслеживать животных и маскироваться. Несчетное количество стрел я выпустил в чучело оленя. Я стрелял из папиного лука, и мне никогда не хватало силы до конца натянуть тетиву, что огорчало нас обоих.

Папа затушил сигарету и закрыл окно со словами:

– Почти на месте.

Я вздрогнул и попытался кивнуть:

– Ага.

Пересев на другой край и оказавшись у папы за спиной, я вынул сложенную вдвое фотографию, которую стащил из охотничьего домика. Она была размером с открытку и такая же старая, как и карта. Я раскрыл фото и вгляделся в тринадцатилетнего папу. В руке он держал большой лук, спина у него была согнута под тяжестью головы медведя, которого он подстрелил. Хотел бы я быть таким же сильным и смелым, как он.

– Ты нас удивишь, – произнес папа, будто услышав, о чем я думаю.

Я сложил фото и убрал его в карман за секунду до того, как отец обернулся на меня.

– У тебя мамины мозги, Оскари. Ты умный парень, я таким не был. Сам знаешь – есть вещи поважнее силы и храбрости.

Интересно, что? Может, смелость или винтовка в руке?

– Помни про карту, не потеряй ее.

Мы ехали первыми и раньше остальных достигли долины Черепов у подножья вершины Акка. Наш внедорожник с ревом въехал на большую каменистую площадку, которую я узнал по рассказам старших ребят. Она была почти наглухо огорожена густым ельником и скалами, но с одной стороны круто обрывалась, открывая вид на покрытые облаками горы. Папа подъехал к самому краю, раскидав колесами гравий, и развернул машину лобовым стеклом к долине. Выключил мотор.

На другой стороне пустоши черное облако поднялось в свинцовое небо и обернулось сотней ворон. Они рассыпались над лесом, описали несколько неровных кругов и снова опустились на деревья.

Мужчины из нашей деревни всегда с трепетом рассказывали об этой долине как о священном месте. Говорили о ней, как о чем-то личном. И хотя папа и ребята постарше описывали мне это место, я был поражен тем, что увидел...

Испытание

Посередине долины Черепов был сооружен помост. Он напоминал огромный деревянный ящик, сколоченный из стволов берез и засохшей сосны. Серые покатые валуны, подпиравшие всю эту конструкцию, виднелись в просветах между темными, подгнившими деревьями.

Казалось, это алтарь для жертвоприношений, сохранившийся с незапамятных времен. Я стал прикидывать, скольким мальчишкам уже пришлось приехать сюда, взобраться на эту сцену и стоять, отсчитывая минуты до начала испытания. Вокруг деревянного алтаря торчали сосновые колья, шириной с мою руку и не ниже плеча. Такие же были рассыпаны по всей площадке, и на каждой палке висел череп. Здесь были и маленькие останки куропаток, фазанов, зайцев, а были и внушительные по размерам трофеи. Я разглядел черепа оленихи, пары лисиц и увенчанную рогами голову большого оленя. А на самую высокую палку был водружен череп медведя.

Пожелтевшие кости были наполовину разрушены ветром, солнцем и дождем. Но из раскрытой пасти, казалось, еще был слышен грозный рык. Как будто спустя много лет после смерти медведь все еще злился на своего убийцу.

Череп был раза в три больше моего, а каждый изогнутый клык – длиной в палец. Когда-то эта пасть запросто могла расколоть человеческую голову или вырвать руку. Раздробить кость взрослого мужчины такому огромному медведю было бы не сложнее, чем мне – сломать веточку березы.

Я поежился и уставился на череп.

Медведь смотрел на меня пустыми глазницами.

– Это твой трофей? – спросил я папу, пересаживаясь на соседнее место.

– Да. – Он кивнул и взял в руку висевший у него на шее талисман – клык на кожаном шнурке. – Но не обязательно приносить медведя. Хамара даже не оленя подстрелил, а безрогую олениху. Деви только пару куропаток подбил.

Я снова вгляделся в черные дырки медвежьих глаз и стал гадать, какая добыча окажется мне по силам. Что за испытание мне приготовил лес?

Из-за деревьев с шумом стали появляться внедорожники. Они подъезжали к месту нашей стоянки и выстраивались плотным полукругом на краю площадки. Спустя всего пару минут не меньше двадцати мужчин, приехавших в долину Черепов, дружно начали готовиться к традиционному обряду.

– Посиди здесь. – Отец открыл дверь и спрыгнул на землю. Мужские голоса ворвались в салон, но папа тут же захлопнул машину. Было невозможно разобрать, о чем они говорят. Я почувствовал себя отщепенцем, я был для них чужой.

Папа надвинул кепку по самые глаза, застегнул зеленую куртку, надетую поверх толстовки с капюшоном, и направился к последней машине в ряду. Хамара, водитель этой ржавой развалюхи, стоял, заложив большие пальцы за пояс, и смотрел, как другие работают.

Хамара был самым рослым человеком из всех, что я видел в своей жизни, на целую голову выше папы. Половину его морщинистого лица закрывала лохматая борода, а из-под застиранной вязаной шапки торчали длинные седые патлы. Распахнутая камуфляжная куртка и грязный бежевый свитер не скрывали его толстый живот. На ногах у Хамары были высокие резиновые сапоги, а за плечом висело ружье, такое же старое и потрепанное, как и его хозяин.

Папа недолюбливал Хамару, считал его ворчливым старикашкой. Но он был главный старейшина нашей деревни – ничего не поделаешь.

Отец с Хамарой перемолвились о чем-то и одновременно повернулись в мою сторону. По тому, как папа теребил руки, я понял, что он волнуется. В напряженные моменты он начинал ковырять ноготь на большом пальце левой руки. Первый раз я заметил у него эту привычку в больнице, где лечилась мама. Тогда папа до крови содрал кожу у ногтя, но даже не обратил на это внимание.

Хамара просверлил меня своими влажными глазами и, сжав губы, коротко кивнул. Отец постоял еще секунду, посмотрел себе под ноги и направился обратно к нашему внедорожнику.

– Давай, выходи, поможешь мне с палаткой, – сказал он, открывая дверь.

Когда мы закончили ставить палатку, приготовления на площадке уже шли полным ходом. Хамара отдавал указания, и работа спорилась, но никто не шутил и не смеялся. Мужчины говорили шепотом, чтобы не разрушать торжественную атмосферу.

Папа стал помогать Эфре колоть сосновые чурбаки на дрова и разжигать костер, который они окружили камнями от ветра. Кто-то ставил палатки, кто-то возился в своих домах на колесах. Несколько мужчин начали зажигать факелы и расставлять их по периметру, хотя до темноты было еще далеко.

Долина Черепов лежала за границей Полярного круга высоко в горах, поэтому весной здесь было по-зимнему холодно. Укутанные в свитера и теплые куртки, мужчины выглядели крупнее, чем на самом деле. И хотя я виделся с ними каждый день, сейчас они казались мне страшными косматыми дикарями, только что вышедшими из леса. У каждого из них за спиной была винтовка, а на поясе висел нож.

Я был здесь не единственным мальчишкой, но все ребята были немного старше меня. Все они держались поодаль. Ялмар и Онни, мои друзья, только улыбались и кивали, когда мне удавалось поймать их взгляд. А Ристо и Броки со своей компанией все время поглядывали в мою сторону, шептались и угрожающе водили по горлу воображаемым ножом.

Натянув шерстяную шапку, я пошел к прицепу, делая вид, что хочу проверить квадроцикл. Мы с папой основательно подготовились, и я знал, что на сиденье лежат все необходимые вещи и что наш вездеход на ходу. Но других идей, как скоротать время, у меня не было. Я боялся, что с минуты на минуту Хамара поставит меня перед толпой собравшихся и мне придется лицом к лицу встретиться со своими страхами.

Мои мысли прервал громкий хлопок. Я вскочил и посмотрел на помост. Резкий звук выстрела эхом прокатился по долине Черепов и растворился в горах.

На алтаре стоял Хамара с ружьем в правой руке. Он поставил приклад на бедро так, что дуло смотрело в небо. В левой руке он держал большой охотничий лук. Снизу лук казался просто огромным и походил на доисторическое лесное чудище.

Все прервали свои дела и подняли головы на старейшину. Он пальнул еще раз. Ружье подскочило от отдачи, но Хамара остался неподвижен. Когда второй выстрел заглох, он прокричал одно слово: «Оскар!»

Мое сердце перестало биться, и все внутри сжалось.

Папа закинул последнее полено в костер и поспешил в мою сторону, показывая пальцем на квадроцикл. Остальные направились к помосту.

– Берегись медведей, – сказал Деви и тяжело хлопнул меня по спине. Он был отцом Броки, так что я ненавидел Деви не меньше, чем его сыночка. От удара я пошатнулся, налетел на квадроцикл и упал на руки. Повернувшись, я увидел, что к Деви подошел мой папа с топором наперевес.

– Ты чего, – Деви отгородился от него ладонью. – Да я просто удачи ему пожелал.

Отец подошел вплотную к моему обидчику. Он смотрел Деви в глаза и сжимал топор с такой силой, что на руке побелели суставы.

– Пап, все нормально, – сказал я, вытирая руки о штаны, – правда.

Отец шумно дышал, не отрывая глаз от Деви.

– Ты слышал сына? С ним все в порядке. – Деви попятился.

Папа стиснул зубы и покачал головой. На секунду мне показалось, что сейчас будет драка, но тут раздался еще один выстрел, и Хамара снова прокричал мое имя.

– Не заставляй себя ждать, – хмыкнул Деви в мою сторону.

Папа обуздал гнев и подошел ко мне.

– Слезай давай.

Опуская борт прицепа, он процедил в сторону Деви, шагающего к платформе:

– Даже не думай о нем, он никто.

«Как и я», – пронеслось у меня в голове, когда я взбирался на скрипучее седло квадроцикла. Мне было страшно, я чувствовал себя таким маленьким, что хотелось одного – побыстрее отсюда уехать.

– Давай же, Оскари, поторопись. Все ждут. И не забудь сделать все так, как я велел.

– Хорошо, пап. – Я завел квадроцикл и, нажав на рычаг газа, начал аккуратно спускаться с прицепа.

– Быстрее.

Я с усилием надавил пальцем на рычаг, квадроцикл накренился назад и резко съехал вниз. На секунду я потерял управление и влетел в лужу грязи. Колеса увязли в размытой дождем земле и беспомощно закрутились, выпуская фонтан коричневых брызг. Со всей силой я вдавил газ, чтобы выбраться из лужи. Мотор взревел, но колеса только сильнее увязли.

– Господи, Оскари! – Папа бросился ко мне, чтобы выключить двигатель. – Сколько раз я тебе... – Он прервался, закрыл глаза и глубоко вздохнул. Потом посмотрел на меня и продолжил: – Сколько раз тебе надо повторять? Если разгонишься слишком сильно, придется распрощаться с квадроциклом. Мне не починить спаленный мотор, а новый квадрат мы не можем себе позволить. Аккуратнее ездь, ты за этот квадроцикл головой отвечаешь.

– Так случайно получилось, – ответил я, слезая на землю.

Папа опять тяжело вздохнул:

– Ладно... просто покажи им, на что ты способен. – Он неловко улыбнулся и, взявшись за руль, помог вытащить квадроцикл.

Я оглянулся на усыпанную черепами площадку. Казалось, их мертвые голоса шептали с высоты своих палок: «Ты провалишь испытание, провалишь».

Ветер подергивал пламя факелов. На помосте все так же стоял Хамара с обрезом в одной руке и луком в другой. Недвижим, как божество в ожидании жертвоприношения. Все остальные смотрели на нас с папой. Когда я снова влез на квадроцикл, раздался смех. Стиснув зубы, я сделал вид, что ничего не слышал. Проезжая через толпу, я пытался представить, что на площадке нет ничего, кроме шуршащего под колесами гравия.

– Эй, Оскари. Если повезет, наберешь на болоте клюквы, – прокричал Ристо.

– А если и ягод не найдешь, принеси хоть лосиного помета, – добавил Броки. Послышались сдавленные смешки.

– И кроличьих горошков захвати! – сказал еще кто-то.

Уверенно смотря вперед, я пропускал их уколы мимо ушей. Я убеждал себя, что еще задам им жару. У меня в кармане лежала папина карта, на которой была отмечена поляна, полная дичи. Я представлял, как принесу невероятных размеров оленя и все заберут свои слова обратно. Но как я ни старался, храбрости и силы мне эти мысли не прибавляли.

Приближаясь к платформе, я увидел, что ее подпирают не только валуны, но сотни, тысячи черепов (все как рассказывали Ялмар и Онни). Кости были желтые и коричневые, совсем древние. Огонь освещал острые зубы и пустые глазницы черепов – адское зрелище.

Подъехав вплотную к помосту, я остановился и заглушил мотор. В ужасе от предстоящего я помедлил несколько секунд, потом слез с квадроцикла и под взглядами сотен черепов взобрался по деревянной лестнице.

Встав рядом с Хамарой, я посмотрел на серьезные лица стоящих внизу мужчин. Все казалось размытым, перед глазами прыгали искры, и я не мог никого толком разглядеть.

Сердце колотилось как отбойный молоток.

Бум. Бум. Бум.

В животе потяжелело, и меня всего скрутило как в тот раз, когда я съел что-то не то и меня всю ночь выворачивало наизнанку.

Потом я увидел в толпе Ялмара, моего друга. Он поднял вверх большой палец. Папа уверенно кивнул. Ободренный, я повернулся к Хамаре.

Он поглядел на меня долгим холодным взглядом. Мне показалось, что Хамара собирается молчать и бездействовать еще целую вечность. Но вот он поднял левую руку и протянул мне традиционный охотничий лук.

Я с трудом проглотил слюну и взялся за лук. Хамара не разжимал пальцы. Я посмотрел на лук, потом на старейшину и дернул что было сил. Хамара сузил глаза и разжал кулак.

Все зашшукались. Кто-то что-то брякнул, и толпа содрогнулась от смеха.

Лук, который мне дали, был даже больше папиного, почти с меня ростом. Когда я поставил его рядом, одним концом он достал мне до подбородка. Древесина была тяжелая и холодная, но рукоять еще хранила тепло рук Хамары. Обычно традиционный лук нашей деревни хранился в Охотничьем домике, из него стреляли только во время Испытания. Это было древнее оружие, которое делало из мальчишки настоящего охотника. Не одну сотню лет жители нашей деревни доказывали свое мужество, добывая трофеи с помощью этого лука. Из него папа выпустил смертоносную стрелу в огромного медведя.

Теперь настал мой черед показать, чего я стою.

Много дней подряд я готовился к сегодняшнему событию. До боли в руках и мозолей на пальцах я тренировался стрелять из больших луков. Все, чтобы оказаться на этом месте.

«Успокойся, – говорил я себе. – Успокойся». Я зажмурился, потом обвел толпу глазами и занял устойчивую позу, которую показал мне отец. Крепко взяв лук в левую руку, я вдохнул и поднял его перед собой. Пальцы сжали скрученную кожу, и я начал натягивать тетиву.

Лук скрипнул и изогнулся под моим напором. Я держал его несгибаемой твердой рукой и тянул все сильнее.

Оказалось, это не так сложно, как я думал. Значит, часы тренировок не прошли даром. У меня все получалось. Сейчас всем придется признать, что они меня недооценили.

Я натянул тетиву почти до самого носа, как вдруг лук стал мне сопротивляться. Сколько я ни старался, он не поддавался. От моих усилий не было проку – тетива не натягивалась. Руки заныли. Я ощутил жжение в кисти, потом свело всю руку до плеча, потом задрожал лук. Меня охватил ужас: я был слишком слабый.

Посмотрев вниз, я поймал взгляд отца. Он сжимал медвежий клык, на его лице читались жалость и стыд. Эта картина придавала мне сил, я знал, что не должен подвести папу, что надо всем доказать...

С неистовой силой я рванул тетиву и дотянул ее еще на сантиметр, до самого кончика носа. Но этого было недостаточно. Тетива должна коснуться щеки. Надо тянуть, тянуть.

Тут я понял, что проиграл этот бой.

Глаза наполнились слезами. Руки тряслись, все мышцы болели – я больше не мог держать лук. Папа пристыженно склонил голову.

Тетива ослабла, я опустил руки.

Несколько мальчишек сдавлено хихикнули, мужчины стали молча переминаться с ноги на ногу. Случилось самое ужасное – я оказался таким хилым, что даже не сумел натянуть

тетиву лука. Что было говорить об охоте на дикого зверя? Какое испытание мог приготовить лес пареньку, не способному удержать оружие?

Глядя мне прямо в глаза, Хамара снял шапку и смял ее в руке. Он покачал головой и стал всматриваться в лица стоявших внизу мужчин, пока не встретился взглядом с моим отцом. Главный старейшина выставил руку вперед и повелительным жестом велел папе подняться.

Он взошел на помост. Следом поднялись Зифонен и Ристи, два других старейшины нашей деревни. Они были такие же грубые и матерые, как Хамара, тоже с седыми бородами и тяжелыми мешками под глазами. Они подошли к Хамаре, даже не взглянув на меня, будто я был пустым местом.

– Что будем делать? – спросил Хамара. – До этого всем удавалось натянуть тетиву.

– Пускай едет домой. – У Ристи был грубый прокуренный голос, а на белой бороде желтели пятна от табака.

– Черта с два! – рявкнул отец. – Он никуда не поедет.

– Уже были исключения, – Хамара опустил глаза и почесал в затылке. – Сын Кузисто не проходил испытание.

– Да, потому что он в инвалидном кресле, – ответил папа. – Он даже лук в руках не держал. Это не наш случай.

Хамара нахмурился:

– Может, так даже и лучше. Твой сын недостаточно силен. Если он сейчас отправится домой, то завтра не будет плакать на глазах у всей деревни.

– Оскари не плачет, – парировал отец. – А если вы отправите его домой, это не спасет его от позора.

– Его или тебя? – Хамара заглянул папе в лицо.

Папа посмотрел на него так, словно хотел ударить:

– Он остается. Ты должен дать ему шанс. Он как проклятый практиковался в стрельбе. И не забывай, кто его учитель. Я в тринадцать лет добыл медведя.

– Оскари – не ты.

– Он – мой сын.

Мужчины замолчали и повернулись в мою сторону. Я вытер рукавом нос и выпрямился.

Хамара снова покачал головой и громко вздохнул:

– Если он заблудится, я его искать не пойду.

– Он не заблудится, – сказал папа. – Он умный парень. Просто произнеси свою речь, и пускай едет.

Хамара задержал на мне взгляд, потом посмотрел на Зифонена и Ристи – они пожали плечами. Тогда он кивнул, надел шапку и сказал:

– Хорошо. Традиция есть традиция.

Папа плюнул в ладонь и протянул ее Хамаре. Он помедлил, затем тоже поплевал на ладонь и ответил рукопожатием. Мужчины стиснули руки с такой силой, будто хотели переломать друг другу кости.

На прощание папа крепко сжал мое плечо. Спустившись вместе с остальными вниз, он оставил меня один на один с Хамарой.

Утомленные ожиданием мужчины негромко разговаривали.

– Тишина! – призвал к порядку Хамара. Когда все замолчали, он продолжил:

– В жилах этого мальчика течет кровь охотника. Вы все когда-то стояли на его месте. Сегодня черед Оскари следовать традициям. У него есть одна ночь и один день, чтобы проявить свое мужество. – Хамара искоса посмотрел на меня, прочистил горло и продолжил: – Завтра он принесет то, чем наградит его лес.

– Лосиный навоз, – слышался шепот.

Хамара прервал свою речь, укоризненно оглядел толпу и снова заговорил:

– Лес беспристрастен. Он каждому посылает испытание по силам. Надо прислушаться к нему и сделать все, чтобы поймать добычу. Мы охотимся здесь сотни лет, это наша земля. Но ничего не дается нам просто так.

Хамара помедлил и продолжил:

– В лес он уходит ребенком, а вернется настоящим мужчиной.

Хамара опустил руку мне на плечо и спросил:

– Что тебе по силам? – Не дожидаясь ответа, он протянул мне полный колчан стрел, поднял ружье к небу и спустил курок.

Долина тут же наполнилась грохотом – все охотники дали залп в воздух.

Папа посмотрел на меня исподлобья и серьезно кивнул. Я ответил ему тем же, повесил лук за спину и, ни на кого не глядя, спустился к квадроциклу. Больше всего я мечтал умчаться отсюда. Дикie горы больше не пугали – они манили меня.

Я повернул ключ зажигания, но ничего не произошло. Сглотнув слюну, я повторил попытку. Тишина. Сегодня что, все против меня сговорились? Даже квадроцикл пытается...

Тут взревел мотор, и я со всей силы нажал на рычаг. Бросив в сторону папы прощальный взгляд, я уехал прочь из долины Черепов, прямо в дикие заросли горы Акка.

Мое испытание началось.

Первая кровь

Лучший. Момент. В жизни.

Ветер обдал лицо прохладой, когда я выехал на лесную дорогу. Как же хорошо было наконец оказаться в одиночестве. Никто не будет здесь унижать и высмеивать меня. Никто, кроме меня самого.

Долина Черепов осталась далеко-далеко позади. Пролетая мимо изумрудных деревьев, квадроцикл уносился в глубь леса. Солнце опускалось за вершушки сосен, отправляя последние лучи в гущу серой хвои. Покрытая грязью узкая дорога, уползавшая в горы, казалась вытопанной сотни лет назад тайной тропой. Там и тут ее разрывали острые камни и могучие корни, напоминавшие выгнутые спины морских чудищ. Квадроцикл уверенно подъезжал к ним и преодолевал все препятствия. Я ехал пригнувшись, чтобы не зацепиться за нависавшие над дорогой ветки. На лице у меня была улыбка, в ушах гудел мотор, а за спиной висел охотничий лук. Он был в разы больше моего, но я привык носить отцовский лук после совместной вылазки в лес, так что тяжесть традиционного лука меня не сильно смущала.

Я решил ехать напрямик к тому месту, о котором рассказывал папа. Судя по отметке на карте, до него от долины Черепов было полтора часа езды и еще минут тридцать пешком. Я планировал добраться туда до темноты, чтобы остановиться чуть ниже заветного места, поставить палатку и развести костер с подветренной стороны. На охоту мне отвели всего сутки, так что рано утром надо было отправляться на поиски дичи.

Мысль о том, что там может вообще не оказаться оленей, я гнал прочь.

Посмотрев на часы, я с удивлением отметил, что еду уже целый час. Так, незаметно, я проделал двадцать-тридцать километров и неплохо укладывался в свое расписание.

Подбираясь все ближе к месту стоянки, я представлял, как выпущу стрелу в оленя, потом сниму с него шкуру, привяжу себе за спину оленью голову с раскидистыми рогами и выеду из леса победителем. Вот тогда Хамара не посмеет смотреть на меня сверху вниз, и из его взгляда уйдет унижительная жалость. А самое главное, отец будет мной гордиться. Понятное дело, он не ждет от меня подвига, но тем сильнее папа обрадуется, если мой трофей окажется не хуже медведя, убитого им в тринадцать лет.

Эти мысли напомнили мне о фотографии, которую я снял с доски почета в Охотничьем домике. Притормозив, я порылся в кармане и вытащил фото. Держа руль одной рукой, второй я сжимал старую карточку.

На ней – юный папа с головой медведя за спиной. У него очень свирепый вид: лицо вымазано в грязи и крови, губы сжаты, взгляд с вызовом устремлен прямо в камеру. Могу поспорить, никто не смеялся над папой за день до этого снимка, когда он, двенадцатилетний, ждал начала испытания.

Я прищурился и крепко сжал зубы, совсем как папа на фото.

В это мгновение ветка больно хлестнула меня по лицу.

От внезапного острого удара я отшатнулся в одну сторону, а квадроцикл занесло в другую. Он слетел с дороги, разметая колесами опавшие иголки, и покачнувшись на краю неглубокого оврага. Пытаясь удержаться, я вдавил газ, мотор взревел, и во все стороны полетели мелкие камни и куски грязи. Тут же квадроцикл опрокинулся, скинув своего водителя.

Я подлетел в воздух, с высоты рухнул на бок и так лягнул зубами, что прикусил язык. Четыре или пять метров я катился на дно оврага, ударяясь о все камни, пни и корни деревьев на своем пути.

Угодив в растущие внизу кусты, я остановился и открыл глаза. Вниз по размытому склону съезжал завалившийся на бок квадроцикл. Веревка, удерживающая вещи, развяза-

лась, и по всему ущелью было рассыпано походное снаряжение. Но это было меньшее из зол. Тяжелый квадроцикл быстро катился прямо на меня.

Не теряя ни секунды, я вскочил на четвереньки и пополз в сторону. Руки и колени заскользили по хвое и веткам, покрывавшим землю. Как в замедленной съемке, я старался отползти подальше, но руки вязли в грязной хвое. Я представил, что сейчас меня насмерть задавит квадроцикл и я навсегда останусь лежать погребенный под этой машиной.

Вдруг я нащупал ногой корень дерева, с силой оттолкнулся от него и откатился в сторону. Квадроцикл прополз мимо и остановился на дне, продолжая тарыхтеть двигателем.

С минуту я лежал на животе, уткнувшись лицом в землю. Не в силах совладать с дыханием, я пытался понять, жив я все-таки или уже мертв. Песок скрипел на зубах, во рту был привкус крови и земли. Мои мышцы были пропитаны адреналином, так что я почти не чувствовал боли, но костяшки пальцев были содраны до крови, а лицо жгло. Я дотронулся до щеки, и у меня на руке остались кровавые следы. Было ощущение, что завтра я весь покроюсь синяками.

Я убедился в том, что меня еще рано предавать земле, но тут же подскочил как ужаленный, вспомнив о луке.

Тетива по-прежнему плотно перетягивала грудь, но надо было убедиться, что лук не треснул при падении. Поломать его было смерти подобно. От злости Хамара точно отрезал бы мне голову и насадил ее на кол рядом с другими черепами в долине.

Сняв через голову лук, я затаил дыхание и стал ощупывать древесину. Удостоверившись, что оружие цело, несмотря на пару щербин и царапин, я вздохнул с облегчением.

Но радоваться было рано. Завалившийся на бок вездеход еще работал, и в моей голове раздались папины слова: «Аккуратнее ездь, ты за этот квадроцикл головой отвечаешь». Денег на новый у нас не было.

Я зажмурился и поклялся, что если все обойдется, то всю следующую неделю я буду колоть дрова за папу. Помолившись лесу и всем, кто мог меня услышать, я выпрямился, слизнул кровь с ссадины и поспешил к квадроциклу.

Навалившись на него всей тяжестью, я с невероятным усилием поставил квадроцикл на колеса, выключил мотор и проверил, все ли цело. Потрясенный лес начал возвращаться к обычной жизни. Птицы затянули вечерние песни, невдалеке застучал по дереву дятел.

Довольный тем, что квадроцикл на ходу, я вытер лицо рукавом и направился собирать разбросанные вещи. Мне удалось найти почти все рассыпанные стрелы, и я стал оглядывать землю в поисках мха. Увидев ярко-зеленое пятно между двух выпирающих корней, я опустился на колени и поддел ножом большой кусок мха, сильно пахнущего чернотелом. Отряхнув мягкую губку от земли, я проложил ею колчан. Теперь его будет тяжелее нести, но зато стрелы не растеряются. Повесив колчан за спину, я вернулся к квадроциклу.

И тогда я увидел его...

Олень был такой огромный, что даже не верилось. Он спокойно стоял за поваленным деревом в каких-нибудь десяти метрах от меня. Казалось, ему совсем нет до меня дела.

Кривой ствол дерева наполовину скрывал оленя, но я отчетливо видел его голову и шею. Кожа туго обтягивала могучие мышцы животного. Он был ростом с меня, а может, и выше. Повернув голову, увенчанную рогами, в мою сторону, олень прислушивался, поводя ушами, и его большие карие глаза неотступно следили за мной.

Он был красив, само совершенство, и он принадлежал мне. Олень – вот мой трофей, как мама и говорила.

Я весь затрепетал. Сердце бешено заколотилось, и кожа покрылась мурашками. Не больше часа назад я пришел в лес, а он уже преподнес мне животное. Похоже, эта охота окажется не такой уж и сложной. Если я сейчас убью оленя, то смогу спокойно вернуться в долину Черепов. Посмотрим, что Хамара скажет на такой поворот.

Не сводя глаз от оленя, я нащупал колчан за плечом.

Животное вздрогнуло и наострило уши.

Я двигался еле слышно. Олень не знал, что я за зверь, и с любопытством разглядывал меня, но в любой момент мог убежать. Вот он уже напрягся и приготовился дать деру. Медлить было нельзя.

Достав стрелу, я представил, как получусь на фото: бледное лицо, все в крови и грязи, в одной руке лук, в другой – нож, а за спиной у меня – оленья голова. Папа будет с гордостью смотреть, как Хамара вешает мою фотографию на стену почета, как все признают меня настоящим мужчиной.

Вложив стрелу в лук, я вспомнил, как стоял сегодня на помосте и не мог натянуть тетиву. Как жалко, что пришлось оставить мой лук дома. Из него я бы точно... Стиснув зубы, я прогнал эту мысль. Мне надо было найти силы, чтобы совладать с традиционным оружием.

Набрав полную грудь воздуха, я начал натягивать тетиву.

«Успокой сердце, и рука не дрогнет», – раздалось у меня в голове.

Олень продолжал рассматривать меня, но уже в расслабленной позе. Он рассеянно шевелил ушами, прислушиваясь к звукам леса. Казалось, дичь уже не боится молодого охотника.

«Он знает, что тебе не натянуть тетиву», – настойчиво твердил кто-то у меня в голове.

Я прищурился и попытался заглушить этот голос. Медленно вдыхая, я старался почувствовать, как кислород постепенно, очень медленно, заливается в легкие (папа меня научил так дышать).

Жизнь вокруг остановилась. Существовали только я, лук и олень. Никого больше. Уже не слышалось пения птиц и стука дятла, даже ветер перестал дуть. Лес затих, словно все его жители затаили дыхание, наблюдая за нами.

Лук тихонько скрипнул, прогнулся. Тетива врезалась в пальцы. Мышцы задрожали. Выдохнув немного воздуха, я прищурил один глаз и прицелился. Справиться с волнением было непросто.

Тетива упрямо остановилась, когда от нее до моего носа оставалось расстояние в одну ладонь. Руки и плечи болели после падения и от борьбы с тетивой заныли еще сильнее. Меня била дрожь, я с трудом удерживал цель. Надо было стрелять немедленно. Но я понимал, что с такого расстояния, да еще при плохо натянутой тетиве, выстрел будет слишком слабый.

Собрав остаток сил, я рванул тетиву, но тут непонятный шум разрушил спокойствие леса. Глухой рокот быстро перерос в громовые раскаты, и все кругом неистово завертелось и зашумело. Казалось, что ураган обрушился на лес, неся с собой страх и смятение.

Металлический грохот оглушал, отдавался громкими щелчками в голове.

Тукка-тукка-тукка-тукка.

Воздушный вихрь раскачивал верхушки деревьев и, пролетая между сосен, поднимал в воздух сухие листья и хвою.

Тукка-тукка-тукка-тукка.

Звук становился все громче и громче, перерастая в оглушительный грохот. Вокруг меня все завертелось.

Олень оцепенел, а потом бросился наутек и скрылся в деревьях. Я оглянулся на пролетавший над головой вертолет, случайно зацепился ногой за корень дерева, и стрела улетела в небо.

Глаза наполнились слезами, и от злости я закричал, угрожающе размахивая луком:

– Будь ты проклят! Чтоб тебя!

Я поднялся на ноги и посмотрел на улетающий вертолет, неистово раскачивавший вершины деревьев. В лучах заката мелькнули черно-белые буквы на борту.

– Да чтоб тебя! – снова прокричал я, не зная, как совладать с распиравшим меня чувством злости и разочарования. В эту секунду я ненавидел вертолет и всех его пассажиров, желая им упасть и разбиться на тысячу кусочков.

Отлетев где-то на километр, вертолет завис в воздухе. В просвет между деревьями я увидел, что он начал снижаться, исчезая из виду.

– Ну, ты, махина, что дальше?

Меня очень злило, что вертолет пошел на посадку. Наверняка на нем прилетели браконьеры. Посмели вторгнуться в *наш* лес!

– Пату, – осенило меня.

Пату раньше жил в деревне, но переехал в город и открыл бюро «Сафари-Тур». Он говорил, что хочет подзаработать, показывая местные красоты туристам, но все были уверены, что он нелегально привозит сюда охотников, чтобы они забавы ради убивали медведей и оленей.

Надо было убедиться, что это Пату и что он привез браконьеров. Тогда, даже если ничего не удастся поймать, я не вернусь в долину с пустыми руками. Моим трофеем будет ценная информация.

Хазар

Я решил идти к вертолету пешком, чтобы браконьеры меня не услышали, и побежал за оставленным на квадроцикле маскировочным костюмом. Я смастерил его сам из большого куска сетки и лоскутов светло- и темно-зеленой ткани. Когда мы с отцом пошли в лес, чтобы опробовать камуфляж, мне целую вечность пришлось пролежать на земле, но папа меня так и не нашел. Он сказал тогда, что лучше маскировки в своей жизни не видел.

Надев камуфляж поверх толстовки с курткой, я углубился в лес, оставив квадроцикл у дороги. Стараясь ступать как можно тише, я осторожно шагал по опавшей хвое и выступавшим из земли камням. Лук не болтался у меня за спиной, тетива плотно перетягивала грудь, а стрелы надежно были укрыты в колчане. Да, я был слабоват и не мог натянуть тетиву традиционного лука, но зато прекрасно ощущал его положение в пространстве. И снова я мысленно поблагодарил папу за то, что тот заставлял меня носить на охоту его большой лук – ни одна ветка на моем пути не покачнулась.

Наконец лес стал редеть, и в просвете между деревьями я увидел то, что искал: заросшую травой широкую поляну у склона горы. Я удивился, что папа не нарисовал на карте это идеальное пастбище для оленей, и решил сам отметить его, когда вернусь домой.

Грозовые тучи затянули серое небо, но пробивавшегося сквозь ветви света хватало, чтобы видеть, что происходит в перелеске. Вдали слышался раскат грома, и воздух как будто стал холоднее. Мама сказала бы, что это злится Укко, бог неба и грома.

В самом центре поляны стоял вертолет. Двигатель уже перестал работать, но огни еще горели и лопасти медленно вращались. Воздух был наполнен выхлопными газами, до меня доносился запах бензина.

Я спрятался в папоротнике, разросшемся среди деревьев на самом краю площадки. Тень от большой ели укрывала меня от людских глаз. Две крупные сороки всполошились и испуганно затрещали, прыгая с ветки на ветку. Когда они притихли, я надвинул шапку по самые брови, подобрал левой рукой горсть земли и поплевал в нее. Получившуюся кашу я размазал по лицу. От нее саднило царапины на щеках, но я не обращал на это внимания.

Я стал невидимкой.

Не моргая, я следил за происходящим: дверь вертолета отъехала в сторону, и из него выпрыгнули двое мужчин. Они были одеты в армейские брюки и куртки и совсем не походили на охотников, скорее на солдат.

Один из них остался охранять вертолет, а другой подошел ближе к лесу, поднес к глазам бинокль и стал высматривать что-то среди деревьев. Я пригнулся еще ниже, распластавшись на земле.

Открылась дверь кабины, и на траву спустился пилот. Он был примерно одного с папой возраста, но ниже ростом и не такой плечистый. Мужчина достал что-то из кармана, прислонился к вертолету и закурил, с интересом поглядывая на охотников. Это был Пату, я сразу его узнал.

– Что вы там ищете, – обратился он по-английски к человеку с биноклем. – Я же сказал вам, что у меня нет разрешения на охоту. Если хотите пострелять дичь, надо лететь в другое место.

В воздухе было тихо. Поляна была со всех сторон окружена лесом, и слабый ветер доносил до меня запах табака и отчетливый голос Пату. Я очень удивился тому, что он сказал. Выходит, на Пату зря наговаривали.

Человек с биноклем ничего не ответил. Он продолжал изучать каждый сантиметр леса, но замер, когда дошел до моего укрытия. Его тело напряглось и выпрямилось. Он направил бинокль вниз, разглядывая прятавшие меня заросли.

Я застыл.

– Нашли что-нибудь? – спросил Пату. – Говорю вам, только смотреть и можно, потому что у меня нет...

– Молчать! – рявкнул человек у вертолета.

– Я не позволю так говорить с...

– Молчать! – повторился приказ.

Они с минуту смотрели друг на друга, потом Пату отвел взгляд и снова поднес сигарету ко рту. Не успел он затянуться, как охранник подлетел к нему, выхватил окурочек и затушил его о траву своим тяжелым сапогом.

– С ума, что ли, сошел? – Пату повернулся к нему и выпрямился во весь рост. Мужчины нашей деревни всегда были готовы принять вызов, особенно если он исходил от чужака.

– Расслабься, – ответил охранник. – Если будешь вести себя тихо и делать, что скажут, заплатим в два раза больше.

Пату помедлил, всматриваясь в лицо говорившего, потом отошел в сторону и опять закурил.

Человека с биноклем не интересовала эта перепалка, он сверлил глазами мое укрытие.

А что, если он увидит меня? Что, если мой маскировочный костюм не так уж хорош и папа просто смеялся надо мной? Страх разлился по венам, но я не понимал, почему меня так пугают обычные охотники. Не потому ли, что их армейский камуфляж и манера говорить... были совсем не охотничьи.

В конце концов человек с биноклем покачал головой и начал рассматривать соседние кусты. Я с облегчением выдохнул, подивившись, что все это время, оказывается, удерживал дыхание.

Опустив бинокль, мужчина подал знак своему напарнику. Тот вытащил из вертолета какой-то предмет и отошел на край поляны. Предметом оказался раскладной стул, который он поставил на траву, с силой утопив ножки в мягкой земле.

Когда все приготовления были закончены, из вертолета спустился третий охотник. То, что он у них за главного, я понял сразу. Это был высокий и подтянутый мужчина, на загорелом лице – аккуратная черная борода. На нем были такие же, как у его подчиненных, зеленые брюки, плюс черная кожаная куртка и кожаные перчатки. На поясе у него висел внушительных размеров нож, а в руке он нес большой чемодан.

Главный расправил плечи и обвел взглядом поляну, потом кивнул двум охотникам и большими шагами подошел к стулу. Секунду помедлил, потом сел и положил чемодан на колени.

Следом за ним еще трое мужчин спустились из вертолета и начали выгружать алюминиевые контейнеры. Они достали пять или шесть коробок, одна из которых была размером с мой квадроцикл и, судя по тому, что с ней пришлось повозиться, весила не меньше. Интересно, для чего им столько снаряжения?

– Слушай, Хазар, если ты думаешь остаться здесь, тебе придется доплатить, – обратился Пату к сидящему на стуле мужчине. – В два раза, по меньшей мере.

Хазар молча провел рукой по чемодану и отщелкнул замки.

– Я предупреждал, что здесь запрещено охотиться, – продолжал Пату. – Если вас за этим делом поймают, то меня лишат лицензии. А мне еще детей кормить. От меня зависят люди, я должен платить по счетам. Знаешь, сколько надо денег – такую птичку содержать?

Хазар откинул крышку чемодана, когда к нему со спины приблизился Пату.

– Ого, – удивился Пату. – Вот это, я называю, ствол. Ты слонов собрался отстреливать? Так они тут не водятся.

Хазар не отвечал. Он запустил руку в чемодан и вытащил из него, как мне показалось, приклад винтовки.

– И много ты за него заплатил? – не унимался Пату.

Хазар достал еще одну деталь и с громким щелчком присоединил ее к первой.

– Ладно, командир. – Пату поднял руки и попятился. – Я, пожалуй, вас попозже заберу. Поохотитесь тут пару часиков и... – Повернувшись, он увидел, что его вертолет накрывают камуфляжной сеткой (такой же, как на мне, только в разы больше). Еще двое мужчин открыли самый большой контейнер и достали из него длинные толстые металлические трубы, очень похожие на базуки из компьютерной игры. Но, наверное, зрение обмануло меня – зачем же охотникам базуки? Я прищурил глаза и отчетливо увидел, как мужчины водрузили гранатометы на плечи и направили их в небо. Они поводили базаками из стороны в сторону, будто прицеливаясь, а потом опустили оружие и обратились к Хазару:

– Все готово, сэр.

– Эй, погодите, да какого черта тут вообще происходит? – сбивчиво заговорил Пату. – Что твои ребята делают?

– Не думай о них. Позаботься лучше о себе, – ответил Хазар с незнакомым мне акцентом. Он говорил холодно, без эмоций. У него был звучный властный голос, хорошо слышимый во всех уголках поляны.

Хазар достал и приладил еще одну деталь винтовки.

– Ты на что намекаешь? – уточнил Пату.

Сотни невидимых иголочек впились мне в голову – я почувствовал неладное.

– На то, – Хазар прервал работу и пожал плечами, – что тебе пора бежать.

– Бежать?

Хазар встал, посмотрел на Пату и добавил:

– Я же охотник.

Пату удивленно поднял на него глаза и сделал шаг назад.

У меня пересохло в горле, а в голове пролетела сотня мыслей. Как и Пату, я не понимал, что происходит. Ясно было только одно: добром это не кончится. Мне стало страшно за Пату.

– Я намерен тебя пристрелить. – Хазар говорил внятно и громко, но я не верил своим ушам. Происходившее мало походило на правду, казалось какой-то глупой шуткой.

Хазар оглянулся на своих молодцов, снова поглядел на Пату и продолжил:

– Меня не переубедишь. Но пока я не собрал до конца винтовку, у тебя есть хорошая возможность убежать отсюда.

– Что? – Пату затряс головой и сделал еще один шаг назад.

– Ты ведь умеешь бегать? – усмехнулся Хазар и указательным и средним пальцами изобразил в воздухе бег в мою сторону.

– Все, тебе пора. – Хазар достал из чемодана дуло винтовки.

– Да что тут вообще происходит? – Пату в ужасе огляделся и остановил взгляд на военных, которые выгружали автоматы из ящиков поменьше.

Ничего не понимая, мы с Пату одновременно поглядели на Хазара. В голове крутилась тысяча вопросов. Неужели это гранатометы? Кто эти мужчины, одетые в военную форму? Зачем им автоматы? И что за оружие собирает Хазар? Я такой винтовки у охотников в жизни не видел.

– Вы... вы кто такие вообще? – промямлил Пату. Он постоял еще секунду, а потом внутри у него будто что-то щелкнуло. Пату повернулся и бросился бежать.

Мне очень хотелось помочь ему – окликнуть его, подать какой-нибудь знак, но я ничего не мог сделать. Ничего. У вертолета стояло шестеро вооруженных до зубов мужчин. И теперь я был уверен, что они не охотники. Подними я голову хоть на сантиметр, то тут же выдал бы себя и оказался в не меньшей опасности, чем Пату. Мне оставалось только прятаться в кустах.

Пату приближался, и я слышал топот его сапог и тяжелое испуганное дыхание. Я видел его глаза, округлившиеся от ужаса.

Мысленно подгоняя Пату, я напряг каждый мускул своего тела.

За спиной у своей жертвы Хазар не торопясь собирал винтовку: он хладнокровно приладил дуло, закрепил прицел и загрузил огромные патроны.

Расстояние от Пату до спасительных деревьев сокращалось с каждой секундой.

«Давай же! – беззвучно кричал я. – Быстрее!»

Еще немного – и он в лесу.

Хазар щелкнул затвором.

Еще чуть-чуть.

Хазар поднял винтовку к плечу и стал прицеливаться в ту самую секунду, когда Пату добрался до леса. Он с разбега влетел в кусты, распугал сорок, тут же упорхнувших в безопасное место, и укрылся за стволом огромной сосны. Согнувшись в три погибели, Пату жадно заглатывал и с присвистом выпускал воздух, силясь восстановить дыхание.

Он стоял так близко, что я мог дотронуться до него, только руку протяни. Пату весь трясся от страха, не в силах перевести дух. Первый раз в жизни я видел такой нечеловеческий ужас.

Хазар продолжал целиться в Пату. Он держал винтовку, стоя посреди поляны неподвижно, как памятник.

Пату наконец отдышался. Он выпрямился и улыбнулся себе, не веря, что удалось спастись. Он тряхнул головой и осмелился выглянуть из-за дерева. Тут он заметил, что я прячусь рядом, в зарослях папоротника. Поначалу Пату не понял, что лежит перед ним. Но потом он разглядел два человеческих глаза среди грязной зелени камуфляжа и открыл рот, чтобы что-то сказать.

Я поднял палец к губам, умоляя его молчать, но тут – БАМ! – прогремел выстрел, и сосна взорвалась на тысячу щепок. Я зажмурился и закрыл голову руками. Ошметки коры полетели в меня, царапая щеки и руки.

Весь лес всколыхнулся – звери и птицы ринулись в укрытие, с елок дождем посыпалась хвоя. Когда эхо выстрела отгремело, все кругом вновь стихло.

Я открыл глаза. Большая дыра зияла с одного края сосны, за которой прятался Пату. Хазар стоял с опущенной винтовкой. Пату на прежнем месте уже не было.

Повернувшись, я увидел своего бывшего односельчанина лежащим на траве с простреленной головой. Я не мог отвести от него взгляд, как ни пытался. На меня наводили ужас пустые глаза мертвеца и кровь, сочившаяся из раны, но я все равно продолжал смотреть. Я лежал в оцепенении, и мне казалось, что все это происходит не со мной, что нет никого Хазара, нет Пату.

«Спасайся! – завопил голос в моей голове. – Беги!»

К горлу подступил комок от страха, и я словно очнулся от кошмарного сна. Отчаянно желая спастись, я стал отползать назад, в глубь леса, затаив дыхание. Когда меня уже не было видно из-за густых ветвей, я вскочил, повернулся и побежал что есть мочи. Ноги затекли от долгого лежания в укрытии, но панический ужас нес меня прочь.

Ничего не разбирая на своем пути, я мчался через лес. Я хотел одного – оказаться в безопасности, вернуться в долину Черепов, к папе.

Трудное решение

Я несея по лесу как загнанный зверь. Ветки больно хлестали по щекам, и я бежал, заслоняя лицо руками. В голове было пусто. Перед глазами – только мертвое лицо Пату.

У меня закололо в груди, и с каждым движением боль усиливалась. Мышцы онемели, я совсем не чувствовал ног, но они уверенно несли меня к оврагу, где ждал квадроцикл.

Одна загвоздка – на месте его не оказалось.

Я точно помнил, как оставил квадроцикл на дне оврага. Значит, либо его угнали, либо я сбился с пути.

Солнце уже опустилось, в лесу было темно, и я, скорее всего, просто заплутал. Как еще можно было объяснить пропажу квадра? Я так сильно хотел скрыться от безжизненных глаз Пату, что даже не следил за дорогой. Просто бежал без оглядки. Теперь надо было сделать остановку и внимательно осмотреться.

И тут меня охватила паника. Дыхание участилось, каждый вдох отдавался болью. А что, если головорезы заметили меня? Знали, куда я побегу? Пришли сюда минутой раньше и забрали квадроцикл, чтобы я не улился?

Я бросился обыскивать все овраги с одной мыслью: «Только бы найти квадроцикл».

И тут я увидел его в просвете сосен. Он стоял неподалеку, на том самом месте, где я его оставил. У меня сразу отлегло от сердца, и я радостно бросился к вездеходу.

Теперь я мог отсюда выбраться!

Освежающие капли дождя просочились через дырявую крышу веток, и небо над моей головой заворчалось. Судя по раскатам грома и черным тучам, моросящий дождик грозил перерасти в сильный ливень.

Все еще тяжело дыша, я вскочил на квадроцикл и завел мотор. Но когда я поднял глаза на дорогу, идущую вдоль оврага, то понял, что нам на нее не взобраться. Склон был слишком крутой, а спуск с другого края оврага был прегражден каменистой россыпью. Мне оставалось только ехать вдоль обрыва в надежде, что ложбина рано или поздно поднимется к горной тропе.

Дождь лил все сильнее, и колеса скользили по размытой земле. Все силы я бросил на то, чтобы забыть страшное лицо Хазара и захороненного в кустах Пату. Я старался думать о чем-нибудь другом: о спасении собственной шкуры; о стальных трубах, которые бандиты доставали из контейнеров и водружали себе на плечи; о Хазаре и его планах на наш лес. Но как я ни старался, Пату не шел у меня из головы. Я представлял, как он лежит там, скрючившись в неестественной позе, мертвый.

Я затряс головой, чтобы отбросить эту страшную мысль, и попытался сконцентрироваться на дороге. Надо было найти пологий склон, чтобы побыстрее выбраться на тропу и вернуться в долину Черепов.

Мне предстоял долгий путь назад. Дорога в гору заняла целый час, а спускаться в такую темень и дождь мне пришлось бы часа четыре, не меньше. Все зависело от того, как скоро удастся вернуться на дорогу. Главное, на обратном пути не слететь в еще один овраг. Или того хуже – не встретиться с Хазаром и его бандой. Что, если они услышат шум двигателя и погонятся за мной со своими базами?

Я старался вспомнить папину карту, чтобы найти обходной путь в долину Черепов, но мне на ум пришла только поляна, отмеченная красным крестом. Наше с папой секретное место. Добираться до него было каких-нибудь два километра, значит, я мог отъехать еще на два километра дальше от Хазара. К тому же я уже поднимался в нужном направлении, и самым верным решением мне казалось спрятаться в папином тайном месте и переждать там до утра. С рассветом я вернулся бы в долину. Без добычи, но зато живой.

А может быть, мне посчастливилось бы подстрелить утром оленя или кого помельче. Я с радостью бы принял от леса и куропатку, и даже зайца. Если повезет, то кроме захватывающего рассказа я принесу из леса трофей.

С такими мыслями я добрался до конца оврага и выехал на дорогу. Остановив квадроцикл, я измерил взглядом извивающуюся узкую тропу, ведущую под гору. Потом повернул голову на дорогу, поднимающуюся к отмеченной на карте поляне. Снова посмотрев вниз, я вспомнил события этого вечера.

Домой или на охоту?

Куда ехать?

К Хазару с его винтовкой или... Решение пришло само.

Огненная буря

Квадроцикл набирал скорость. Накинута на плечи камуфляжная сетка, как плащ, развевалась на ветру. От холодного ветра так слезились глаза, что даже шапка намокла по краям. Ночь уже окутывала гору, дождь свирепствовал. Рев мотора заглушал все звуки леса, и казалось, что на свете не существует ничего, кроме ужасных воспоминаний у меня в голове. Но нужно было прогнать все мысли прочь и сосредоточиться на главной цели – спасении.

Отъехав примерно на километр от вертолета, от Хазара, я включил фары и помчался по рассекавшей тьму дорожке света. Капли дождя сверкали в лучах прожекторов и разбивались о мои плечи и голову. Ливень барабанил по квадроциклу и безжалостно топил дорогу, грозясь превратить ее в грязевую реку. Справа и слева от меня мелькали деревья, и в носу ощущался терпкий запах хвои, земли и истлевшей листвы.

В мысли все время норовил забраться призрак Пату, тянувший за собой множество сомнений. Что, если я ошибся в выборе? Может, стоило рискнуть, проехать мимо той поляны? Нужно ли было последовать первому порыву и вернуться в долину Черепов? Что, если?..

В-УУУ-Ш!

Мои мысли прервал громкий звук, перебивший даже рокот квадроцикла. Я запрокинул голову и увидел поднявшийся из-за деревьев белый дымовой след артиллерийского снаряда. За ним – еще один.

В-УУУ-Ш!

Третий, четвертый.

В-УУУ-Ш! В-УУУ-Ш!

Стреляли у меня за спиной, оттуда, где остался вертолет. Как гигантские фейерверки, взлетали трассеры, прочерчивая в воздухе белые полосы. Я сбросил скорость и, прикрыв лицо рукой, стал всматриваться в испещренное следами выстрелов небо. Через несколько секунд его осветила слепящая глаза зарница, следом послышались глухой рокот и скрежет. Я как будто заехал в эпицентр грозы.

Но свет был ярче молнии, и удар совсем не был похож на громовой. Очень внезапный, он не урчал и не грохотал перед тем, как раскатиться по небу. Это явно было дело рук Хазара и его людей, что держали на плечах металлические трубы.

Гранатометы.

Последние сомнения рассеялись, когда, через секунду, небо снова запылало. Но на этот раз его осветила не белая, а оранжево-огненная вспышка. Тусклый поначалу свет перерос в сильное зарево, несущее с собой жуткие звуки: треск, крик, рык. Казалось, из темноты на меня несется монстр, издавая леденящий душу рев.

Свет становился все ярче, а шум все невыносимее. Потом послышался звук вспарываемого, разрываемого на куски леса. Что бы это ни было, оно бешено несло сквозь бор.

Неуправляемое, как стихийное бедствие, как Аятар – лесная дьяволица из маминых сказок, это что-то ломало верхушки деревьев, опускалось все ниже, проридалось через ветви, вырывало из земли целые ели, как какие-нибудь тростинки. Оно приближалось, оглушая меня, поглощая шум мотора, наполняя все кругом своим скрежетом. Лязг и грохот отдавались во всем теле, земля содрогалась, как от землетрясения.

Я не знал, что мне делать: прибавить газу, или остановиться, или еще что-нибудь предпринять. Но все мои мысли оборвала пылающая машина, обрушившаяся на лес справа от дороги. Она поджигала, выкорчевывала и безжалостно расшвыривала растущие у нее на пути деревья.

Взметая искры и языки пламени, она внезапно с сильным ударом влетела в грязь метрах в пятидесяти от меня. С оглушительным «Буум!» эта штуковина подскочила и перенеслась через дорогу, воспламеняя все вокруг, взрывая землю всякий раз, когда ее касалась. Подпрыгивая и переворачиваясь, огненная глыба сметала все на своем пути. Она неслась на полной скорости, теперь уже слева от меня, раздвигая, как траву, могучие ели и сосны.

В горячем воздухе свистели осколки леса: тлеющие листья, горящие сучьями, испепеленная хвоя. Кора и древесина подрывались, как шрапнели, толстые ветви свистели, как копья, сосновые шишки разлетались на тысячи кусочков, как гранаты. Я даже не увидел, откуда взялось бревно размером с грузовик. Оно покатилося прямо на меня и врезалось в квадроцикл, – я перекувырнулся через руль и полетел в самое пекло.

Миновав бушующее пламя, я только успел подумать «не надо снова», как голова моя чуть не раскололась от боли: я ударился о землю, покатилося по траве, как тряпичная кукла, и с размаху рухнул лицом в большую грязную лужу. Вокруг свирепствовала огненная буря.

Шрам

Когда мне было пять лет, мы с папой поехали к озеру Туонела посмотреть на водопад. Высотой он был не меньше сорока метров, и речная вода издавала удивительный звук, сбегая каскадом в ледяное озеро. Мы поднялись на самую вершину, прямо на каменистый выступ над пропастью, и глядели с него вниз. Помню, как страшно мне было стоять на такой высоте и всматриваться сквозь туман и брызги в пенящуюся воду. Мне казалось, что озеро кипит, и я представлял, что там сидит водяной оборотень – накки, который хочет утащить меня на дно и утопить. Мне сразу вспомнился рисунок, который я встретил в какой-то книге: огромный кальмар тянет в свое логово подводную лодку. Мне казалось, что накки превратился в этого кальмара и сейчас сверлит меня своими желтыми глазами, шевелит щупальцами, хочет схватить меня.

– Тебе уже пять лет, – начал отец, – тебе пора вступить на тропу мужества.

Тогда я и понятия не имел, о чем он говорит.

– Не бойся, Оскари. Ты хороший пловец. По сравнению с тобой я просто бултыхался в воде, когда мне было пять.

Помню, как поднял на папу глаза, кивнул и сказал:

– Я люблю плавать. Мы будем купаться?

Отец серьезно посмотрел на меня и ответил:

– Можно и так сказать.

Я хотел взять его за руку, но он свою отдернул и бросил взгляд назад. Обернувшись, я увидел стоящую недалеко группу мужчин под предводительством Хамары. Он кивнул папе, тот в ответ нахмурился, но тоже тряхнул головой.

Мы разделись до трусов, и я весь продрог от холодного ветра, пока отец доставал моток толстой бечевки и обвязывал один ее конец вокруг своей талии. Я спросил папу, зачем он это делает, а он улыбнулся в ответ и пообещал, что будет весело. Когда он обвязал вокруг меня другой конец веревки, я все окончательно понял.

Нам предстояло прыгнуть в водопад.

– Не надо, пожалуйста, – взмолился я. – Папочка, я не хочу.

Содрогаясь от рыданий, я цеплялся за папину ногу. Умолял его не заставлять меня прыгать. Я очень боялся падения в бурлящую воду, где поджидал меня накки. Мне представлялось, что я опускаюсь на самое дно и никогда уже не всплыву. Никогда не увижу маму.

Папа нагнулся и погладил меня по голове, чтобы я успокоился.

– Не бойся, я с тобой. Будет весело, – обращался он ко мне, но смотрел на Хамару.

Потом папа разжал мои цепкие пальцы, отодрал меня от своей ноги и подвел к самому краю со словами:

– Мы связаны одной веревкой.

Он взял меня на руки и шагнул в бездну.

И мы падали, падали, падали.

Я крепко зажмурился и не открывал глаз весь полет. От ветра перехватывало дыхание, как будто из легких выкачали весь воздух. Брызги воды хлестали дождем. Когда мы ударились о пенящуюся поверхность воды, меня резко охватил холод, все мышцы окаменели.

Напор водопада, обрушивающегося на нас, был такой сильный, что мы все глубже и глубже опускались в нескончаемый мрак озера. Казалось, нам уже никогда не выбраться наверх. В легких было пусто, в голове пульсировала кровь. Я запаниковал, открыл рот, чтобы вдохнуть воздух, и тут же наглотался воды. В ту секунду, опускаясь на дно безжалостного озера, я понял, что умираю.

Мне казалось, что нажки схватил меня своими здоровенными кривыми щупальцами и никогда уже не отпустит.

То же самое я переживал сейчас: на меня обрушивалась вселенная, грудь была словно сдавлена тисками, все мышцы напряжены до боли. Но к воспоминаниям об озере примешивались звуки ломающихся деревьев и летящих в мою сторону кусков коры. Сейчас я был не в озере, а лежал лицом в луже грязи и захлебывался, пытаюсь вдохнуть. Осознав, что происходит, я поднял голову и откашлял попавшую в нос и рот грязную воду. Я лежал на животе и широко открывал рот, заглатывая воздух, как вдруг получил по спине чем-то тяжелым. Что-то твердое больно ударило между лопаток, и я весь сжался, обхватив голову руками и молясь, чтобы этот кошмар побыстрее закончился.

Долгое время я оставался неподвижен, дожидаясь, когда прекратится хаос и сойдет на нет ужасный скрежет. Прошло время, и лес затих, даже птицы не пели. Слышался только тихий шум дождя, потрескивание огня да поскрипывание деревьев.

И я все равно боялся пошевелиться, хотя и понимал, что глупо лежать так всю ночь. Я мысленно приготовился к худшему, потом разжал руки, открыл глаза и поднялся на ноги.

Горной дороги простыл и след. Как не бывало. Казалось, что меня занесло в зону военных действий.

В нескольких метрах от меня глубокий шрам пересекал лес. Шрам. По-другому и не скажешь. След невероятных разрушений разрезал лесную тропу, и теперь она была завалена обломками деревьев, похожими на обгорелые спички. Тут и там потрескивали костры пожарищ, которые уже почти залил дождь, легко проникавший через огромную прореху в бору.

Дым вился вокруг поваленных деревьев. Он стелился по земле и закручивался в воронки, подхватываемый порывами ветра. Дым нес с собой сильный запах, но не только приятный аромат паленой древесины: были в нем и неожиданные примеси – обуглившаяся резина, расплавленная пластмасса и горящий бензин. И куда ни глянь – везде, как светлячки, в темном небе летали искры и тлеющие, как бумага, обрывки березовой коры.

Я отрешенно посмотрел кругом, будто контуженный, а потом попытался представить, что за злая сила могла сотворить такое. Зачарованный, я поражался дикой красоте загубленного леса.

Споткнувшись обо что-то, я больно отбил большой палец. Наклонился и увидел шипящий от дождя кусок металла.

– Ой! – Металл больно обжег мне кончики пальцев. Я отдернул руку и дотронулся до холодной мочки уха – если так сделать, то на пальцах не вскочит волдырь.

Отбросив железяку ботинком в сторону, я достал из-за спины лук, чтобы проверить, цел ли он. Убедился, что лук не раскололся надвое, и стал пробираться к квадроциклу, размахивая перед лицом руками в попытках разогнать дым. Перешагивая через затухающие костерки и поломанные сучья, я увидел квадроцикл. Какдохлое насекомое, он лежал перевернутый, раздавленный стволом упавшей ели. Три шины были разодраны, бампер квадроцикла смят.

Мне подумалось, что теперь, даже если я выберусь отсюда живым, папа непременно меня убьет. Подойдя поближе, я осмотрел квадроцикл в надежде, что его еще удастся починить.

– Черт! – Я пнул квадроцикл, и он отозвался глухим металлическим эхом. – Черт!

Я сжал кулаки, запрокинул голову и прокричал в небо:

– Ч-е-е-рт!

Как ни удивительно, небо ответило мне, подмигнув красным светом.

Странный огонек мелькнул над верхушками деревьев. Казалось, он парил в воздухе и я не сразу понял, что он постепенно становится все больше. Не знаю, что это было, но

оно опускалось на лес, совсем как недавние разрушения. Я выгнул шею кверху и смотрел на красный огонек, замороженный его размеренным миганием.

Загорелся. Погас. Загорелся. Погас.

– Что это? – прошептал я.

Свет медленно приближался, и я увидел позади него нечеткий темный силуэт.

А я-то думал, что самое страшное позади: вертолет, Хазар, потом... даже не знаю, что это было – какая-то авария или обстрел.

– Тебя только не хватало! – простонал я, обращаясь к красному огню. – Да что ты вообще такое?

Красный свет мне не ответил. Он только мигал, опускаясь за деревья по другую сторону от распахавшего лес шрама у меня за спиной. Послышался хруст ветвей и глухой удар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.